

Т.А. Колосовская

Д.А. Милютин и его кавказские материалы: О первых опытах создания военно-политической истории Кавказа

В статье рассматривается научно-исследовательская деятельность Д.А. Милютина в 1839–1850-е годы. Характеризуются его неопубликованные программы, записки, официальная и частная переписка, отражающие работу по изучению истории российско-кавказских отношений. Раскрываются итоги первых опытов по созданию официальной военно-политической истории Кавказа и их влияние на развитие отечественного исторического кавказоведения.

Ключевые слова: Д.А. Милютин, военная историография, историческое кавказоведение, военно-политическая история Кавказа, Кавказская война XIX в.

В 2016 г. исполняется 200 лет со дня рождения одного из выдающихся государственных деятелей Российской империи, военного министра, заменившего рекрутчину всесословной воинской повинностью, Дмитрия Алексеевича Милютина (1816–1912). Его административная и реформаторская деятельность уже неоднократно становилась предметом изучения историков¹. При этом отдельные вехи жизненного пути этой многогранной и даровитой исторической личности раскрыты пока недостаточно. К последним относится его научно-исследовательская работа в 1839–1850-е годы XIX в., направленная на изучение Кавказа – в то время новой окраины Российской империи, о которой, как писал современник, «публика судила по нескольким повестям да рассказам людей, приезжавших на Пятигорские воды»².

© Колосовская Т.А., 2017

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-01-00251.

Большая часть кавказских материалов Милютин, включающих программы, записки, черновики военно-теоретических и военно-исторических трудов, не была опубликована. В настоящее время они хранятся в его личном фонде в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ)³. На основе этого богатого творческого наследия, а также отложившихся в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) официальных документов и частной переписки в статье рассматривается деятельность Д.А. Милютин по созданию военно-политической истории Кавказа.

Д.А. Милютин относился к числу тех государственных деятелей на становление которых несомненно повлиял опыт военной службы на Кавказе. Знакомство его с краем началось в 1839 г. 23-летний офицер, выпускник Военной академии Генерального штаба, был направлен в годичную командировку для участия в военных экспедициях и получения боевого опыта. В г. Ставрополе, где в то время располагалось командование войсками на Кавказской линии и в Черномории, напишет впоследствии Милютин, «я занимался прилежно в штабе просмотром дел, чтобы ознакомиться с приготовительными распоряжениями к предстоящей экспедиции и сколько возможно изучить самый край. В короткий срок я успел сделать много выписок и заметок, которые впоследствии пригодились мне для разных работ по Кавказу»⁴.

В составе Чеченского отряда Милютин участвовал в военной экспедиции к резиденции имама Шамиля – аулу Ахульго. Как на офицера Генерального штаба на него были возложены обязанности отрядного квартирмейстера. Он собирал сведения о местности и дорогах, принимал решение о размещении войск, участвовал в боевых действиях и был ранен в плечо на вылет (пуля задела кость). Уже тогда у Милютин стали появляться мысли о причинах неэффективности действий русской армии на Кавказе и предложения на этот счет. Так, по мере знакомства с краем Дмитрий Алексеевич пришел к убеждению о необходимости изучения и анализа предшествующего исторического опыта и его изложения в виде официальной истории Кавказской войны.

По окончании экспедиции, в октябре 1839 г., Милютин отправили в г. Тифлис с докладом к корпусному командиру Е.А. Головину. Вместе с описанием экспедиции Чеченского отряда Милютин сообщил ему о своем намерении заняться историей Кавказской войны. Последнее предложение корпусный командир принял «с таким сочувствием, что дал себе труд изложить собственный свой взгляд на историческое значение этой войны»⁵.

Итоги обсуждения подходов к написанию военной истории Кавказа нашли отражение в составленной Д.А. Милютиным развернутой программе нового сочинения, под названием «История русского владычества на Кавказе». Данный документ, включая в себя общую концепцию и план для ее реализации, представляет собой весьма любопытное свидетельство о начале становления российского исторического кавказоведения⁶.

Основное изложение событий планировалось начать с конца XVIII в. и показать в контексте эволюции российской политики. «...История русского владычества на Кавказе соединяет в себе историю военную с историей политической, повествование о блистательных военных подвигах русского оружия с картиной постепенных, хотя весьма медленных успехов в гражданском и правительственном устройстве края...»⁷, — отмечалось в программе. Более ранние материалы, начиная с истории Закавказья в древности и заканчивая Персидским походом Петра I, предполагалось коротко представить во введении.

В программе главный акцент делался на практическую значимость нового сочинения, которое, с одной стороны, положительным образом повлияет на эффективность действий российского правительства в регионе, с другой стороны, будет способствовать формированию адекватных представлений об истории российско-кавказских отношений у широких кругов общественности. «Только полная история может совершенно раскрыть глаза и вразумить тех, которые удивляются и не могут понять, почему так долго Россия, при всем своем гигантском могуществе, борется в этом краю и постоянно приносит такие огромные жертвы для успокоения и устройства его»⁸, — подчеркивалось в документе.

Для реализации задуманного Е.А. Головин предлагал Милютину немедленно приняться за работу и перейти на службу в штаб Отдельного Кавказского корпуса⁹. Дмитрий Алексеевич был не против таких перемен, но тогда судьба распорядилась иначе. В конце октября 1839 г. он получил известие о необходимости немедленно вернуться в г. Ставрополь, где его ждали новые поручения.

Однообразная и тихая жизнь в Ставрополе позволила Милютину всецело посвятить себя умственному труду. В течение зимы 1839/40 г. он завершил свой проект об улучшении фортификационного строительства на Кавказе, пересмотрел и дополнил составленное им ранее описание военной экспедиции к аулу Ахульго, подготовил записку о мерах, необходимых для лучшего устройства

действующих против горцев отрядов. Вместе с тем Милютин продолжал свои исторические изыскания: «собирал материалы для описания разных племен кавказского населения и даже приступил к самому составлению этого описания»¹⁰. В Ставрополе Милютин решил отказаться от перевода в Отдельный Кавказский корпус: против были отец и петербургские друзья. В начале февраля 1840 г. истек его годичный срок пребывания на Кавказе и на курьерских перекладных он вернулся в Петербург, к своему постоянному месту службы.

Первое пребывание Милютина на Кавказе произвело на него неизгладимое впечатление. «Природа этого прекрасного края, разнovidные типы его населения, своеобразная обстановка жизни, поэзия военного быта и бесчисленные ощущения, испытанные в течение года, живо врезались в моей памяти до глубокой старости»¹¹, — писал он в своих воспоминаниях. Служебные занятия в гвардейском штабе, так же как и вся петербургская жизнь, после года, проведенного на Кавказе, показались Милютину крайне бесцветными и бессодержательными. Как ни старался он усердно заниматься своими новыми обязанностями по службе, его не покидало желание вернуться на Кавказ. И такая возможность ему вскоре представилась.

В 1843 г. Д.А. Милютин получил назначение на должность обер-квартирмейстера войск Кавказской линии и Черномории. Это вернуло Милютина к необходимости продолжить изучение «кавказского вопроса». Выполнение им служебных обязанностей предполагало рассмотрение переписки своих предшественников, знакомство со статистическими и этнографическими материалами о местном населении. Особое внимание Милютина привлекал вопрос о мерах дальнейших действий на Кавказе. «Досугами своими я воспользовался, чтобы пересмотреть дела старых времен, — вспоминал Дмитрий Алексеевич. — В особенности заинтересовали меня найденные в архиве штаба за 1828, 1830, 1832 и 1833 годы некоторые записки по поводу предполагавшихся в ту эпоху решительных мер к покорению Кавказа. В числе их замечательны были мнения, высказанные генералом Вельяминовым, Паскевичем и самим императором Николаем... Из рассмотренных дел составлял я выписки и заметки, в том соображении, что, быть может, когда-нибудь они пригодятся мне как материал для истории Кавказской войны»¹².

В конце 1844 г. Д.А. Милютин подал прошение об отставке и в феврале 1845 г. вернулся в Санкт-Петербург. Дальнейшая его деятельность была связана с преподаванием в Военной академии

Генерального штаба, где он читал курс лекций по военной статистике, и с научной работой. В 1848 г. ему поручают завершить начатое военным историком А.И. Михайловским-Данилевским сочинение по истории войны России с Францией 1799 г.

В Санкт-Петербурге Кавказ по-прежнему оставался в поле зрения Милютина. «По своей привязанности к этому краю и по своей обязанности постоянно освежать в курсе военной статистики статьи о Кавказе, – писал он, – я не переставал следить за ходом тамошних дел»¹³. Представляя последнюю часть исторического сочинения об Итальянском походе А.В. Суворова лично военному министру А.И. Чернышеву, Милютин рассказал ему о своих дальнейших творческих планах. Речь шла о его намерении приняться за историю Кавказской войны начиная с первых походов русских войск в тот край. «Военному министру, – вспоминает Милютин, – видимо, это не понравилось; он признавал более “интересным” ближайшие к нам войны царствования императора Николая Павловича, имея, конечно, в виду Турецкую войну 1828–1829 гг. и Польскую 1830–1831 гг.»¹⁴. Дмитрий Алексеевич настаивал на необходимости изучения событий более отдаленных исторических эпох, твердо решив не поддаваться требованию, которое поставило бы его «в крайне неприятное и неудобное положение – сочинителя панегириков в прославление властей пердеждающих»¹⁵.

Главное предназначение истории, с точки зрения Милютина, заключалось в изучение предшествующего исторического опыта для использования в настоящее время. Достаточно четко эта позиция проявилась в подготовленной им в 40-е годы XIX в. записке, в которой он излагал свой взгляд о мерах дальнейшей политики России на Кавказе. «Мысли мои по этому предмету, – писал Дмитрий Алексеевич, – я основываю на сущности событий, совершившихся на Кавказе в течение почти трехсотлетней борьбы нашей с кавказскими племенами, и полагаю, что вековая эта опытность должна нам служить руководством для определения мер и средств, к покорению Кавказа необходимых»¹⁶. В записке Милютин подчеркивал, что «полная и подробная история владычества нашего на Кавказе и за Кавказом была бы для нас весьма поучительна, и желательна не для одного любознания, но для пользы и выгод правительства, чтобы история эта была составлена. Начальники, как главные, так и частные, могли бы во многом руководствоваться многолетней опытностью своих предшественников»¹⁷.

Милютин предлагал следующий план исторического сочинения: «Период 1. Древняя история Кавказа. Период 2. Первые

отношения Руси к Кавказу и подвиги русских князей и царей до императора Петра I. Период 3. Походы Петра в Персию; походы Екатерины II до присоединения Грузии. Период 4. По присоединении Грузии до настоящего времени, и этот последний период должен составить две части, из которых последняя – со времени вступления на престол императора Николая Павловича и преимущественно со времени основания новой системы управления и покорения Кавказа»¹⁸. Предложения Милютина были высочайше утверждены, и на него же было возложено поручение по составлению «Истории военных действий на Кавказе, в Азиатской Турции и против Персии»¹⁹.

Развивая идеи, представленные в вышеупомянутой записке, Милютин планировал раскрыть в новом сочинении не только военные, но и политические аспекты истории Кавказа и показать их в широких хронологических рамках: начиная с походов киевского князя Святослава и заканчивая описанием военных действий на Кавказе первой половины XIX в. Для реализации столь обширной программы в ноябре 1850 г. в помощники Милютину был назначен капитан Генерального штаба Дмитрий Христианович Бушен²⁰. По отзыву самого Дмитрия Алексеевича, «добросовестный труженик» и «симпатичный молодой человек», с которым он «сблизился дружески»²¹.

В обязанности Д.Х. Бушена входило выявление для Милютина отложившихся в архивах военно-исторических материалов. Исследовав петербургские архивы, в феврале 1851 г. Бушен был отправлен в долгосрочную научную командировку для выявления документов в архивах Москвы и Кавказа. Д.А. Милютин подготовил для него рекомендательные письма, одно из которых было адресовано непосредственному участнику изучаемых событий, бывшему командиру Отдельного Кавказского корпуса А.П. Ермолову. В нем Дмитрий Алексеевич просил его лично побеседовать с Бушеном и помочь ему советами и наставлениями. «Несколько слов Ваших, – отмечал Милютин в письме, – оживят в глазах его [Бушена. – Т. К.] мертвые груды архивных документов. При том не все было так в действительности, как представляют историку письменные свидетельства. Живой рассказ очевидца открывает более, чем целые стопы бумаги...»²²

Обращение к данным, как бы мы сказали сейчас, устной истории Милютин считал задачей первостепенной важности. «Еще важнее, чем бумаги, рассказы словесные очевидцев, – подчеркивал он в своей переписке с Бушеном, – я уверен, что Вы доставите мне, Дмитрий Христианович, богатую коллекцию рассказов,

которые вы услышите в Москве и на Кавказе, от людей бывалых. Вам не нужно при этом много заботиться о редакции, пишите просто, не стесняясь никакими формами. Главное дело сохранить тон и колорит рассказа. Особенно дорожу я подробностями анекдотическими, которые нельзя почерпнуть из письменных материалов, а подробности эти необходимы для занимательности рассказа...»²³

Стремясь представить события военной истории, говоря словами самого Милютина, «сколь возможно беспристрастно и ближе к истине»²⁴, он старался привлечь как можно больший круг источников. С этой целью, получив разрешение императора, Милютин опубликовал на страницах «Русского инвалида» воззвание «Любителям русской славы и доблестей»²⁵. Обращаясь в нем ко всем очевидцам и участникам истории присоединения Кавказа к России, Милютин призывал их присылать свои дневники, записки, служебную и частную переписку и «даже изустные предания, сохраняемые иногда в семействах от отцов и дедов»²⁶. «Доставляя означенные рукописи по указанному адресу, они могут быть вполне уверены, что бумаги их будут тщательно сбережены и по первому их требованию или по миновании надобности будут возвращены в неприкосновенной целости, — отмечалось в воззвании. — Автор сочтет священным долгом упомянуть в своем сочинении о тех лицах, от которых получит какие-либо исторические материалы... Лица эти, изложив просто и без всякой литературной обработки то, что известно им, окажут несомненную услугу истории, ибо ни одна мельчайшая черта, ни одна по-видимому маловажная подробность не пропадает для тщательного и добросовестного исторического труда»²⁷.

Отзывы на прозвучавший в объявлении призыв не заставили себя долго ждать. В адрес Милютина стали поступать разнообразные материалы из различных уголков страны, авторами которых являлись «старые кавказцы». Среди корреспондентов Милютина следует назвать бывшего командующего на Кавказе Е.А. Головина, приславшего свой «Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 до конца 1842 г.». Изданный в Риге в 1847 г. ограниченным тиражом и не поступивший в продажу, он уже в то время являлся библиографической редкостью. Свои «Походные записки артиллериста на Кавказе и за Кавказом» отправил Милютину генерал в отставке И.Т. Радожицкий, служивший в Отдельном Кавказском корпусе в 20-е годы XIX в. Эти материалы Радожицкий пытался опубликовать на страницах периодических изданий, что называется, по горячим следам, но из-за цензурных ограничений так и не смог этого сделать.

Значительные результаты по собиранию документального материала удалось получить и помогавшему Милютину Д.Х. Бушену. В ходе его упоминавшейся выше научной командировки он произвел разбор дел Главного московского архива Министерства иностранных дел и отделения Императорского департамента Военного министерства, осмотрел документы, хранившиеся в архивах начальника Черноморской береговой линии в г. Керчи и в Войсковом правлении Земли войска Черноморского в г. Екатеринодаре. В г. Ставрополе, рассмотрев дела архива штаба войск Кавказской линии и Черномории и архива Губернского правления, Бушен составил опись дел, относящихся к устройству Кавказской линии. Не были оставлены без внимания Георгиевский и Моздокский архивы. В последнем Бушен сделал выписки о пребывании Е. Пугачева в г. Моздоке. Осмотром и составлением описи дел Кизлярского архива было закончено выявление документов в архивах Северного Кавказа. В Закавказье Бушен разобрал дела трех тифлиских архивов – Канцелярии наместника, Корпусного дежурства и Генерального штаба – и планировал в дальнейшем осмотреть архивы в г. Эривани, в древнем Эчмиадзинском монастыре, в г. Ленкорани²⁸.

Вместе с отчетами о проделанной работе Бушен отправлял Милютину описи выявленных архивных дел и копии наиболее значимых документов. «Пока рылся он в архивах петербургских, московских и кавказских, составляя описи хранящихся в них громадных материалов по Кавказу, – вспоминает Дмитрий Алексеевич, – я, со своей стороны, приступил к обработке первых глав принятого сочинения»²⁹.

Частная переписка показывает, что современники вполне одобряли кандидатуру Милютина как будущего военного историка Кавказа и возлагали на него большие надежды. «...Занятие, которое Вам поручено, – писал в своем письме к Милютину его бывший сослуживец Ф.Ф. Торнау, – согласно с Вашими наклонностями и с Вашим нравом, но к этому прибавлю я, что и наша военная история выиграет от Вашего назначения. Я вполне уверен, что Вы на этом поприще не только составите себе имя, но и будете полезны для тех, которые станут читать Ваши труды...»³⁰

Обстоятельства сложились таким образом, что из человека, пишущего историю, Милютин превратился в человека, ее делающего. В сентябре 1856 г. его научные исследования были прерваны назначением на должность начальника Главного штаба на Кавказе. Вопрос о продолжении работ над военной историей Дмитрий Алексеевич планировал решить по прибытии в Тифлис. Пока же

с разрешения военного министра все находившиеся в его руках материалы он передавал капитану Бушену, которому поручалось продолжить начатую работу «впредь до нового по сему предмету распоряжения»³¹.

Милютин надеялся, что в Тифлисе ему удастся образовать историческую комиссию, которая под его руководством завершит создание военной истории Кавказа. Однако этим планам не суждено было осуществиться. Собранные материалы по описи были переданы в архив Военно-топографического депо. В настоящее время они хранятся в фонде Военно-ученого архива РГВИА и образуют собой уникальную коллекцию документов по истории российско-кавказских отношений XVI–XIX вв.³²

Из работ Милютина по военно-политической истории Кавказа было опубликовано лишь «Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане» (СПб., 1850). Остальные черновики его трудов, в том числе о взаимоотношениях русов с Кавказом в IX–X вв., описания народов Кабарды, Чечни, восточного берега Черного моря, «Краткий очерк войн России с Турцией с 1769 по 1829 гг.»³³, так и остались в рукописях. Тем не менее сама идея Милютина о создании военно-политической истории Кавказа не погибла и впоследствии была реализована уже следующим поколением историков. В начале 60-х годов XIX в. материалы по истории Кавказа поступили в распоряжение полковника Н.Ф. Дубровина и были использованы им при подготовке многотомного сочинения «История войны и владычества русских на Кавказе» (СПб., 1871–1888). К этой же коллекции документов обращались сотрудники созданного в конце 80-х годов XIX в. при штабе Кавказского военного округа Военно-исторического отдела для написания фундаментального труда по истории присоединения Кавказа к России³⁴.

Таким образом, исследовательская деятельность Д.А. Милютина является свидетельством начала создания, по заказу Военного министерства, обобщающего труда по военно-политической истории Кавказа. Тогда эта работа преследовала не столько научные, сколько практические цели. Ее главным результатом должно было стать понимание специфики края, выявление причин неудач российской политики и в конечном итоге формирование эффективной стратегии и тактики дальнейших действий в регионе с учетом предыдущих ошибок. И хотя результаты трудов Д.А. Милютина так и не стали доступны широким кругам общественности, их значение преуменьшать не следует. Милютин, возглавив Главный штаб Кавказской армии, смог реализовать накопленные знания на практике, что и было им успешно выполнено. Спустя три года после своего

назначения на новую должность, в 1859 г., он уже сопровождал А.И. Барятинского в военной операции на Гунибе, ознаменовавшейся пленением имама Шамиля и завершением военного противостояния на Северо-Восточном Кавказе.

Примечания

- ¹ *Осипова М.Н.* Великий русский реформатор фельдмаршал Д.А. Милютин. М., 2005; *Петелин В.В.* Жизнь графа Дмитрия Милютина: историческое повествование. М., 2011.
- ² *Фадеев Р.А.* 60 лет Кавказской войны. М., 2007. С. 145.
- ³ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 169: Личный фонд Д.А. Милютина. Карт. 81: Материалы по истории Кавказа.
- ⁴ *Милютин Д.А.* Воспоминания. Томск, 1919. Т. 1. С. 175.
- ⁵ Там же. С. 255.
- ⁶ НИОР РГБ. Ф. 169. Карт. 81. Ед. хр. 1.
- ⁷ Там же. Л. 1об.–2.
- ⁸ Там же. Л. 2.
- ⁹ *Милютин Д.А.* Воспоминания. Томск, 1919. Т. 1. С. 255.
- ¹⁰ Там же. С. 259.
- ¹¹ Там же. С. 262.
- ¹² *Милютин Д.А.* Воспоминания: 1843–1856. М., 2000. С. 86.
- ¹³ Там же. С. 202.
- ¹⁴ Там же. С. 178.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6164. Ч. 96. Л. 2–2об.
- ¹⁷ Там же. Л. 79.
- ¹⁸ Там же. Л. 79об.–80.
- ¹⁹ НИОР РГБ. Ф. 169. Карт. 51. Ед. хр. 23. Л. 3.
- ²⁰ РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 118. Л. 27.
- ²¹ *Милютин Д.А.* Воспоминания: 1843–1856. С. 452.
- ²² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6164. Ч. 98. Л. 4об.
- ²³ Там же. Л. 12об.
- ²⁴ Там же. Л. 5.
- ²⁵ Русский инвалид [С.-Петербург]. 1853. 10 нояб. № 242–243.
- ²⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6164. Ч. 100. Л. 4об.
- ²⁷ Там же. Л. 4об.–5.
- ²⁸ Там же. Ч. 98. 296 л.
- ²⁹ *Милютин Д.А.* Воспоминания: 1843–1856. С. 452.
- ³⁰ НИОР РГБ. Ф. 169. Карт. 76. Ед. хр. 30. Л. 1об.

³¹ РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 118. Л. 1–1об.

³² Там же. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6164: Материалы для истории Кавказа и кавказских войн, собранные Бушеном; Д. 6165: Сборник материалов к истории распространения и утверждения русского владычества на Кавказе, с приложением разных записок, служивших материалом для сего сочинения (Бушена).

³³ НИОР РГБ. Ф. 169. Карт. 82. Ед. хр. 2.

³⁴ Утверждение русского владычества на Кавказе: К столетию присоединения Грузии к России: 1801–1901. Т. 1–4, 12. Тифлис, 1901–1908.